

— Скажи мне ещё раз, но на этот раз правдиво.

Я подавил зевок. Страдать от внимания моего отца всегда было неприятным опытом, но делать это в полусоне и уставшим после драки было особой пыткой. Меня разбудили от глубокого сна на рассвете, всего через пару часов после того, как мы с Солом расстались, и нервный раб сообщил, что мой отец требует моего присутствия во дворе. Выражение его лица, когда я пришёл, слишком ясно показывало его настроение.

Я знал, что у того беспорядка, который мы устроили, будут последствия, но я надеялся сначала поспать полночи. Чёрт, я всё ещё был наполовину пьян от вина.

— Ещё раз я скажу тебе, отец, я первый ушёл из симпозиума. Откуда мне знать, что этот мёртвый груз делал со своими шлюхами в моё отсутствие?

Мой отец взглянул на меня. Почти каждый раб, занимающийся утренним уходом за садами, вдруг вспомнил, что забыл важный инструмент или другую, более важную, задачу, и поспешил обратно в поместье. Хех. Труссы.

— Этот "мёртвый груз" - твои побратимы. И в этих стенах они находятся под твоей ответственностью. — Пневма моего отца обрушилась на меня, жёстко контролируемая и полностью доминирующая, как орёл с растопыренными когтями. Я вздрогнул, когда мигрень начала формироваться.

Дэймон Этос был подавляющим по любым меркам, и это в хорошем настроении. Даже сидя со скрещенными ногами и руками, он выглядел внушительно. В свой полный рост он был на голову выше среднего философа культа, который сам был на голову выше среднего гражданина. Его безупречная белая туника с алой отделкой мало что сделала, чтобы скрыть его мощное, загорелое тело, зеркально отражающее любую из статуй во дворе. Борода у него была пышной и изысканной. Его глаза были небесно-голубыми.

Мой отец был суровым человеком, но справедливым. Мои самые ранние воспоминания о нем были уроками, которые преподавались и повторялись до тех пор, пока не были усвоены. Скорое наказание за неудачи - а за успехи новые уроки. Каждое его действие было наполнено намерением. По словам старейших философов культа, только его работа вытащила Культ Розовой Зари с края гибели несколько десятилетий назад, и его видение в первую очередь вело культ вперед каждый день ко всё большим высотам.

В них было легко поверить, когда Дэймон Этос был философом в Царстве Тиранов.

— Ты не отрицал, как я их назвал, — заметил я. К несчастью для моего отца, я был его сыном. Если бы я съёживался при каждом резком взгляде или нахмуренном лице, который он посылал в мою сторону, я бы никогда не вышел из своей комнаты в детстве.

— Только дурак отрицает, что солнце восходит. — Он фыркнул. — И только дурак чувствует необходимость указывать на это. Разница между тобой и остальными посвящёнными уже очевидна. Как ты думаешь, чего можно достичь, постоянно указывая на это?

— Мне нравится их реакция, — честно сказал я.

— Наконец-то правдивое утверждение. — Когти его пневмы освободили меня, и я вздохнул с облегчением, когда давление позади моих глаз ослабло. — Посмотрим, сможешь ли ты

справиться с ещё одним. Спрошу в последний раз. Кто посмел прошлой ночью осквернить наши семейные пруды своей кровью?

— Это тайна, отец. — И это было правдой. Мы оба были избиты до крови к концу действия, но кто мог сказать, когда началось кровотечение и кто первый окрасил прозрачные воды в красный? Это мог быть я, мог быть Сол, может быть мы оба. Воистину тайна, достойная Розовой Зари.

Дэймон Этос был совершенно не впечатлён: «Тогда твой ответ - невежество. Быть по сему. — Он встал и посмотрел на статую в испорченном пруде. Они были одного роста друг с другом. — Ты сам очистишь этот пруд. И все остальные, пока ты здесь».

Сукин сын.

— Я должен был бросить тебя страдать одному, — прорычал я, опуская ведро в грязный пруд и выливая его содержимое в большой глиняный кувшин. Рабы, сбежавшие от присутствия моего отца, ещё не вернулись. Это оставило меня наедине с единственным рабом, который был достаточно дерзок, чтобы продолжать работать в непосредственной близости от недовольного Тирана.

Сол пожал плечами, наполняя свой кувшин.

Уход за двором был ежедневным ритуалом. Семейные пруды были осушены, и эта вода использовалась для садов. Затем мраморные пруды были тщательно очищены, все до одного, и снова наполнены водой из рек, извиляющимися через земли поместья Культа Розовой Зари. Это был трудоёмкий процесс, которым обычно занимались несколько человек.

Это так же был рабский труд. Буквально всё что угодно было бы лучшим использованием моего времени. Я мог бы спать.

— Заноза в заднице. И всё потому, что я указал, что твой город - куча солёного пепла...

Глиняный кувшин, наполненный водой, разбился о мою голову, обливая меня. Я поднял голову с широко раскрытыми глазами.

Сол напевал тихую мелодию, занимаясь своими делами без кувшина.

Моё ведро взлетело на орлиных крыльях.

Аликос, алый город, представлял собой огромное пространство гражданских сооружений, извиляющийся как змея, в долине между двумя горными хребтами в самой южной части Средиземного моря. Богатство города отражалось в его архитектуре, даже самые бедные кварталы могли похвастаться домами с каменными стенами и крышами из обожжённой алой глины, которые и дали городу его название. Реки, словно вены, текли по долине, разделяя город на районы, соединённые каменными арками.

Самые богатые районы города расходились лучами наружу от центральной точки — Алого Стадиона. Это было массивное сооружение, полукупол, вырубленный в земле, способный

вместить десятки тысяч зрителей. Вокруг него волнами плескались гимназии, бани и богатые поместья, построенные на гладких каменных основаниях и поддерживаемые колоннами из багряного камня.

Будь то ради бизнеса, отдыха или простой жизни, каждый горожанин жаждал близости к величественному стадиону, где лучшие жители города собирались, чтобы соревноваться.

По всей долине города и особенно по берегам прорезавших его рек кипела жизнь. Оливковые и фиговые деревья росли в изобилии. Там, где деревья росли ближе друг к другу, раздавалось пение птиц, а коровы, козы и овцы были обычным явлением, особенно на окраинах, где город упирался в горы.

На вершине западного горного хребта, где солнце коснулось земли, когда день сменился ночью, поместье культа Плавающего Заката возвышалось безвкусно и гордо на столпах из сумеречного камня. Он растянулся на вершине горы, и за несколько мгновений до того, как солнце полностью исчезло с неба, его крыши пылали как огонь.

На противоположной вершине восточного горного хребта возвышался Культ Розовой Зари. Он, разумеется, был лучше во всех отношениях.

Несмотря ни на что, он всё ещё был на вершине горы.

А реки - нет.

— Скажи мне, раб...

— Солус.

— Верно. Скажи мне, Сол. — Он закатил глаза. — Кто научил тебя драться? — я поправил коромысло на правом плече. Восемь глиняных кувшинов, наполненных водой, раскачивались взад-вперёд, пока мы поднимались по горной тропе, ведущей к главному поместью. Если повезёт, это будет наш последний поход от реки.

— ... Сначала мой отец, — наконец сказал Сол. На левом плече у него было собственное коромысло. — Позже, когда мне было десять, легионы.

— Настолько рано? — удивлённо спросил я.

— Я не служил сначала. Моего отца призвали, и он решил взять меня с собой. Легионеры считали меня забавным - они предлагали показать мне приёмы и поспарринговать со мной, пока мой отец был занят. — В его глазах было что-то нежное и тоскливое, когда он смотрел на что-то, чего я не мог видеть. Это заставило его выглядеть совершенно другим человеком. — К тому времени, как следующим летом моя мать добралась до нашего лагеря и потребовала, чтобы я вернулся домой, я уже решил, что моё место в рядах.

— Я не знал, что легионы умеют сражаться, — размышлял я. Затем, прежде чем обидчивый раб сбросил меня вниз с горы, я добавил, — Правильно сражаться, я имею в виду. Без оружия, как мужчина с женщиной.

— Легионы - это бродячие города, которые существуют, чтобы вести войну. Почему одиночный рукопашный бой должен быть приоритетом? — вот он, этот презрительный взгляд. Как будто смотришь в зеркало. — Отсутствие нужды не означает отсутствие способности. Всегда

находилось по крайней мере несколько мужчин, жаждущих потасовки в часы досуга. Только сначала они не раздевались и не обмазались маслом.

— Хо, Римлянин смотрит на меня свысока? Моё тело вырезано из мрамора, и это сделали мои собственные руки. Почему я должен стыдиться этого?

— Гордость - это порок.

— Гордость - это добродетель, если твоё сердце искренне.

Сол задумчиво нахмурился. Мы взбирались на гору в тишине, пока полуденное солнце палило нам в спину. Я пропустил два приёма пищи и частную лекцию с одним из старейших философов культа, но понял, что меня это мало волнует. Ухаживать за прудами и набирать воду было рабской работой, но она также была тяжёлой, а компания хорошей. Честно говоря, я мог бы предпочесть, чтобы всё так и осталось.

Чем больше мы говорили, тем больше я убеждался, что Сол не просто ещё один культиватор из далёкой варварской культуры. То, как он себя вёл, его воспитание - они рисовали яркую картину. Наши истоки слились в рифму.

Этот раб вовсе не был рабом.

Он был молодым патрицием.

Когда мы почти достигли вершины горы, где грубый камень плавно переходил в мраморные ступени, Сол наконец заговорил снова. Серые глаза сузились в замешательстве.

— Но зачем масло?

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3079656>